

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К.Э.АКСЕНОВ

ПРОТЕСТНАЯ МОТИВАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ДВА ПЕРИОДА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В Санкт-Петербурге наблюдается значительная географическая вариация электорального поведения. Так, на президентских выборах 1991 г. только внутри одного административного района, включающего 127 избирательных участков, различия в голосовании за одного и того же кандидата достигали 20%, а различия по показателю участия в голосовании – 46%. Как правило, такие различия устойчиво воспроизводятся от выборов к выборам и связаны с социальным составом населения городских районов.

Нами были проанализированы распределения голосования на различных выборах 1990-1996 годов в 24 административных районах Санкт-Петербурга (это составляет примерно 1750 избирательных участков). Задача усложнялась тем, что избирательные участки – наиболее интересные для анализа территориальные единицы – нередко “перенарезались” и поэтому не могут быть в полном объеме включены в общую для разных лет выборку. Для анализа данных построена квадратная матрица коэффициентов линейной корреляции, отражающих степень сходства соответствующих альтернатив в различных территориальных единицах. Затем осуществлялась кластеризация электоральных распределений – большинство из них образовывали своего рода замкнутые системы. Это означает, что каждое электоральное распределение было положительно связано хотя бы с одним распределением из своей группы и не обнаруживало внутри этой группы отрицательной зависимости.

Аксенов Константин Эдуардович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, доцент Санкт-Петербургского университета. Адрес: 198005 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14. Телефон: (812) 112-67-04. Факс: (812) 325-85-56. Электронная почта: axenov@kobo.spb.su

При этом каждое электоральное распределение группы имело только отрицательную или незначимую связь с распределениями в другой группе.

Проверялась следующая гипотеза: если электоральные распределения по каким-либо альтернативам имеют значимую положительную связь, то вероятно, что одни и те же социальные группы, неравномерно населяющие город, голосуют за эти альтернативы. Сходные мотивации должны были подталкивать избирателей голосовать за альтернативы, распределения которых имеют положительную связь. Следовательно, вероятен "обмен" группами электората между этими альтернативами. Напротив, отрицательная зависимость показывает, что такой "обмен" максимально затруднен. Замкнутые группы должны, следовательно, делить сходный электорат, "обмен" же электоратом между группами практически невозможен.

Отрицательная зависимость оказалась более устойчивой характеристикой: электоральные распределения, имевшие отрицательную связь с другими альтернативами, могли не иметь положительной связи, но не зафиксировано ни одного случая, когда бы электоральное распределение обнаруживало положительную корреляционную зависимость с одним показателем без того, чтобы иметь отрицательную с другими.

В новейшей электоральной истории Санкт-Петербурга можно выделить два периода, различающихся мотивацией поведения горожан и, соответственно, мобилизационными возможностями общественных движений. Первый период длился с полудемократических выборов весны 1989 г. до весенних референдумов 1993 г. Началом второго периода можно считать парламентские выборы 1993 г. Президентские выборы 1991 г. могут рассматриваться как переходное голосование. Хотя при переходе от одного периода к другому видимой смены "партии большинства" не произошло, масштабы перемен в мотивациях избирателей оказались весьма значительными.

Результаты голосования на всех выборах и референдумах первого периода (независимо от формы, времени, способа волеизъявления) образуют две группы. Критерием группировки является тип реакции избирателей. При этом обе группы являют собой замкнутые системы. Ни одно из электоральных распределений первого периода не нарушало замкнутости групп. Кроме того практически все электоральные распределения имели значимую корреляционную связь с предыдущими, одновременными или будущими голосованиями.

Распределения голосов за несколько альтернатив не имели значимой связи ни с предыдущими, ни с одновременными, ни с будущими голосованиями. Вероятно, политические явления, представленные подобными альтернативами, породили лишь временные мотивы избирательного поведения. Эти мотивы не имеют прочных связей ни с одной альтернативой как внутри, так и за пределами двух основных групп. Иными словами, олицетворяющие такие альтернативы партии, персоналии или политические силы могут считаться безусловными аутсайдерами выборов. Электоральная мобилизация в этот период базировалась, главным образом, на идеологических основаниях.

На одном полюсе (условно обозначим его "А") находились голосования на референдумах за введение поста президента РСФСР и переименование Ленинграда в Санкт-Петербург (1991 г.), за доверие президенту и за все президентские альтернативы (1993 г.), за придание Санкт-Петербургу статуса субъекта РФ; на выборах президента РФ 1991 г. – за Ельцина, на выборах мэра Санкт-Петербурга 1991 г. – за Собчака и т. п. Альтернативы данного полюса неизменно набирали большее число голосов на всех голосованиях первого периода. Другой полюс (обозначим его "В") включал голосование за противоположные альтернативы на референдумах: голосование за Бакатина, Рыжкова, Тулеева, Жириновского, Макашова на президентских выборах 1991 г., за Севенарда – на выборах мэра того же года и т. п.

Такая ситуация оставалась неизменной в течение всего первого периода. Последний случай, когда электоральные распределения разделились на две антагонистические группы, был зафиксирован на весенних референдумах 1993 г. Матрицы корреляции голосований 1993-1996 годов образовали крайней мере три группы распределений. Более того, некоторые распределения обнаруживали явные признаки переходности, нарушая замкнутый характер групп и обнаруживая значимую положительную зависимость с распределениями двух разных групп¹.

Анализ корреляций между голосованиями обоих периодов показывает, что электоральные распределения группы "А" первого периода имели сильное сходство с распределениями одной из новых групп. Это означает, что факторы, влиявшие на выбор сторонников данных альтернатив, сохранились. Распределения же группы "В" первого периода имели значимую положительную связь с распределениями уже не одной, а двух новых групп. Эти две новые группы (принадлежащие к группе "В") были антагонистичны как с новыми распределениями группы "А", так и между собой. Есть основания предположить, что некогда монолитный электорат группы "В" раскололся под воздействием некоего нового фактора.

Все электоральные альтернативы 1993-1996 годов распадаются на две категории в зависимости от распределения голосования против всех альтернатив и географии абсентеизма. Оба этих показателя в свою очередь тесно связаны с протестной мотивацией в избирательном поведении. Две из трех групп электоральных распределений 1993-1995 годов имели сильную отрицательную связь с обеими протестными характеристиками, а одна – положительную. Иными словами, голосование за альтернативы, попавшие в последнюю группу, во многом определялось протестной мотивацией.

Состав группы "А" первого периода дополнился такими альтернативами как голосование за "Яблоко", гайдаровские блоки – на всех думских голосованиях по партийным спискам; кандидатурами Болдырева, Собчака – на выборах губернатора 1996 г., Ельцина и Явлинского – на выборах президента 1996 года. Группа "В" воспроизвелась в двух новых образованиях, обмен

¹ В таких случаях критерий выделения замкнутых групп оставался прежним, а переходные распределения выделялись в отдельный кластер.

электоратом между которыми стал затруднен. Назовем их условно "В1" и "В2". В состав "В1" входили все альтернативы, связанные с Коммунистической партией Российской Федерации, включая голосование за Зюганова в 1996 г., аграриев и другие мелкие думские объединения, голосование за Белякова и Яковлева – на выборах губернатора 1996 года.

Представляющая наибольший интерес группа "В2" имеет непосредственное отношение к протестной мотивации и представлена думскими голосованиями 1993-1995 годов за Либерально-демократическую партию России, "Женщин России", КРО, Демократическую партию России, "Коммунистов СССР"; за ряд кандидатур на губернаторских выборах, за Жириновского, Брынцалова и Горбачева – на президентских выборах 1996 года. Черты переходности были присущи голосованию на выборах в Думу 1995 г., голосованию первого тура президентских выборов 1996 г. за Ельцина, Зюганова, Явлинского, Лебеда.

Присутствовала ли в избирательном поведении до начала 90-х годов протестная составляющая и если да, то в какой форме она проявлялась? Практически ни одно из распределений 1990 г. не обнаруживало сколько-нибудь существенной положительной зависимости с протестными характеристиками. Вместе с тем практически все распределения группы "В2" 1991-1996 годов имели значимую связь с распределениями 1990 года: отрицательную – с распределениями группы "А", и положительную – с распределениями группы "В". Это означает, что социальные группы, склонные к проявлению электоральных форм протеста, не изменились сколько-нибудь существенно на протяжении обоих периодов и остаются достаточно стабильными и по сей день. До 1991 года ни один кандидат или избирательное объединение не смогли мобилизовать протестный потенциал в свою поддержку. Первым это удалось сделать Жириновскому на президентских выборах 1991 года.

Непродолжительная, но весьма насыщенная новейшая политическая история Санкт-Петербурга отмечена существованием отчетливых устойчиво воспроизводящихся от выборов к выборам тенденций в массовом электоральном поведении и распадается как бы на два этапа, отличающихся вкладом протестной составляющей в мотивацию избирательного поведения. В течение первого периода электоральные распределения формировались под воздействием одного детерминирующего фактора – явно идеологического происхождения – и протестная составляющая подавлялась силой этого идеологического раскола.

Начиная по крайней мере с 1993 г. фактор протестной мотивации препятствовал доминированию идеологической компоненты. На парламентских выборах 1993 г. электоральное поведение формировали уже не один, а два раскола. Противостояние демократов и коммунистов сохранилось, однако новый социальный конфликт определялся уже в категориях "протест-адаптивность". Особенно сильное влияние на решения избирателей стало оказывать то, насколько они смогли найти место в меняющейся социальной структуре, а также удовлетворенность жизнью. Скорее всего, данная альтернатива существовала в массовом сознании и до 1993 г., но тогда она почти

полностью подавлялась рациональным или идеологическим выбором и находила выражение в неэлекторальных коллективных действиях. Во втором периоде протестная мотивация стала частью электорального поведения. Это свидетельствует прежде всего о стабилизации демократического процесса в обществе.

Хотя в последние годы роль протестной мотивации в избирательном поведении возросла, ни одной из избирательных ассоциаций (партий, движений) демократической или рыночной направленности не удалось мобилизовать протестный потенциал. Те мелкие партии, которые всячески подчеркивали свою оппозиционность существующей власти и одновременно свою жесткую рыночную ориентацию, похоже, теряли потенциальный электорат: среди протестно настроенной части избирателей очень мало сторонников рынка. Для тех, кто пошел за Партией российского единства и согласия, Демократической партией, "Кедром" и другими, скорее, была важна общая оппозиционность, нежели рыночная ориентация этих партий. Электорат "протестных" партий, включая вышеупомянутые, с большей вероятностью может перейти к Коммунистической партии Российской Федерации и идейно близких ей партий, чем поддержать "Яблоко" или Демократический выбор России. Именно за счет протестной мотивации происходит обмен ресурсами между правыми и левыми радикалам.